

Глава пятая. Казацкая итальянка

Всё в жизни, все наши деяния и передвижения, так или иначе, связаны с игрой случая. Бабушка объездила половину Урала, сделала крутой зигзаг, переехав в Армению, вернулась в родные края, и вдруг – оказалась на Кубани. Волны перемещений огромных людских масс регулярно прокатывались по просторам Советского Союза, трудно было предвидеть, откуда и куда покатится очередной вал. Комсомольские и прочие ударные стройки, депортации целых народов, этапы заключенных и, конечно же, голод... Именно из-за голода в начале 30-х годов опустели территории многих районов, областей и краев страны, и Кубань в их числе. Обезлюдившие станицы края, одной из главных житниц страны, требовали наполнения новой рабочей силой, новыми жителями, далекими от казацкой жизни и казацких традиций, а главное – более лояльными, чем упрямые и несговорчивые казаки, потомки вольного украинского казачества, переселенного сюда еще в XVIII веке (большевики не всегда изобретали велосипед: иногда помогал опыт предшественников). Подхваченные волной кубанского направления советские граждане, прибывавшие в 1934 году в опустошенные станицы, как правило, ничего не знали ни о «черных досках», ни о других преступлениях сталинской власти на просторах края.

В бабушкиных рассказах, естественно, ни разу не упоминается слово «голодомор», вошедшее в употребление, как уже было сказано, гораздо позже – в 90-е годы. Ее поколению были даны другие термины: «саботаж», «кулацкий саботаж», «контрреволюционный саботаж», а еще – «итальянка», то есть саботаж тихий, без объявления об отказе от работы. В «переводе с итальянского на русский» – волынка, что конкретно значит: «Умышленно затягивать работу, проявлять медлительность, нарушая этим существующий распорядок». И это, в определенном смысле, было верно: явно завышенные планы хлебозаготовок после проведения коллективизации казаки ни на Кубани, и на Дону выполнять не торопились.

Еще одна цитата из монографии Виктора Кондрашина:

«Казаки и крестьяне меньше всего думали о судьбе урожая на колхозных полях. И если они на что-то рассчитывали, так это на сокращение планов обязательной поставки государству производимой ими продукции. Они надеялись, что это позволит им улучшить свое материальное положение. Например,

М.А. Шолохов сообщал, что колхозники Вешенского района пребывали в ожидании получения пониженного плана хлебосдачи, обещанного партией.

Но эти надежды не оправдались. Поэтому летом 1932 г. с начала уборочной кампании в колхозах получили повсеместное распространение небывалое ранее воровство колхозного зерна с полей, массовый уход из деревень трудоспособного населения на заработки. Продолжались самороспуски колхозов, сопровождавшиеся, как говорилось в сводках ОГПУ, “разбором скота, имущества и с/х инвентаря”, “самочинным захватом и разделом в единоличное пользование земли и посевов”. Колхозники и единоличники отказывались работать в поле без обеспеченности общественным питанием. В ряде мест вспыхивали массовые волнения, которые власти подавляли вооруженной силой.

В 1930 и особенно в 1931 г. непосильными хлебозаготовками и перегибами в коллективизации была подорвана вера многих крестьян в колхозное производство. Большинство из них увидели бесполезность добросовестной работы в колхозах».

memoria

И.В. Сталин — М.А. Шолохову

6 мая 1933 г.

Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже. Для разбора дела придет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому – очень прошу Вас – оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию – без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

6.V.33 г Ваш **И. Сталин**

memoria

Приведу небольшую выдержку из рассказа бабушки, что, в свою очередь, потребует профессионального исторического комментария, поскольку о созданном искусственно голоде на Кубани в 33-м году и последовавшем за ним демографическом взрыве до сих пор не принято говорить на всю страну. Если же эта тема возникает, то опять (возвращаемся в советские времена?) сводится нашими официальными рупорами к рассуждениям о голоде в связи с неурожаем. Беда, видимо, еще и в том, что развернутая нынешним украинским руководством (Порошенко и К°) кампания по «пропаганде» голодомора 1933 года, организованного «исключительно» на Украине (видимо, Кубань и Дон, Поволжье, Южный Урал, Казахстан и... эти «пропагандисты» тоже считают украинскими), вынуждает российскую сторону с фактами убеждать общественность в обратном. И, как это у нас водится еще со времен коллективизации, перегибать палку, говоря только лишь о неурожае. Что, мол, не было от партийных органов никаких таких указаний морить народ. Как всегда, особо усердствуют новостные передачи телеканала «Россия», одну из которых, «Прямой эфир», одна моя знакомая остроумно переименовала в «Кривой эфир». Буквально вчера вечером (30.11.2015) тема голодомора обсуждалась в новостях на канале «Россия 24». Ведущий представил трех экспертов, двое из которых говорили то, что было нужно, то есть про неурожай. Третьему эксперту дважды давали слово, и дважды его отключали. В первый раз, когда он заговорил о черных досках на Кубани, второй – когда сказал, что голодомор – там, где он был (на Кубани, на Украине ли), сократил население на 20–30 процентов...

memoria_____

№ 150

Из **Постановления ЦК ВКП(б) «Об организации хлебозаготовок в кампанию 1932 г.»**

7 июля 1932 г.

Секретно.

Не для печати.

ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам и райкомам ВКП(б):

Партийные организации должны срочно развернуть всю организационную работу по проведению хлебозаготовительной кампании и укрепить заготовительный аппарат (областные и районные конторы Заготзерна, элеваторы, ссыпные пункты) опытными в деле хлебозаготовок работниками; создать **комиссии содействия хлебозаготовкам при сельсоветах** и выделить во всех колхозах членов правления, а в МТС – помощников директоров, на которых возложить ответственность за организацию сдачи хлеба по установленному плану.

_____memoria

«В 1934 году демобилизовался мой брат Николай и его вместе с другими демобилизованными направили на Кубань, где был кулацкий саботаж (кулачье хлеб не сдавали государству, гноили). За ним поехала вся семья, чтоб побольше своих на

новом месте. Топки не было, соломой топили. Дали большой дом, была большая печь – стояла в столовой. Она мешала, решили убрать, а под печью открылся ход, под ним – тонны зерна. Хозяин бывший: умерла вся семья, сам съел свои сапоги, и умер. Зерно было, а есть не могли: каждый день приходили проверять комсоды (представители комиссии содействия хлебозаготовкам).

Мы приехали, когда уже саботаж кончился. Потом, при немцах, всех, кто участвовал в комсодах, отправили на тот свет.

Там, в Старощербиновской, я прожила до 1943 года. Работала машинисткой в МТС, в сельсовете, заведующей загсом, в районном отделе НКВД – делопроизводителем, где в партию вступила. Там же пережила оккупацию после неудачной эвакуации».

Кулацкий саботаж и ныне – более удобная формулировка, чем голодомор. Поэтому, наверное, и серьезные научные исследования на эту тему не сильно поощряются. Но, спасибо «свободе слова», и не запрещаются. Кто ищет истину, тот пишет. Например, В. Кондрашин, чья монография цитировалась выше. Есть и другие авторы, по которым можно сверить исторические часы.

Вот, например, ряд положений из диссертации «Демографические изменения на Кубани под влиянием модернизационных процессов». Автор – кандидат исторических наук Евгений Викторович Тер.

«...Советская индустриализация и коллективизация... стали толчком к репрессиям по отношению к казачеству. На Кубани это привело к искусственному голоду 1932–1933 гг., изменению этнической составляющей населения украиноязычных станиц. Подобное отношение со стороны советской власти к казачеству было вызвано недавней памятью о событиях Гражданской войны, когда казаки, в основной массе, воевали на стороне “белого движения”. Казачий социум отличался корпоративностью, что вызывало беспокойство нарождающейся новой системы. Репрессии и голод 1932–1933 гг. разрушили остатки корпоративности казачества, подавили сопротивление...»

Начало процессов коллективизации в регионе повлекло за собой разрушение традиционного кубанского социума и казачье-иногороднего мира, основанного на ценностях и ориентирах прошлого. Большевики использовали все средства для его ликвидации, главным из которых стало столкновение между собой различных групп, составляющих традиционный кубанский социум, их противопоставление друг другу, углубление тех противоречий социального, имущественного характера, которые всегда имеются в том или ином обществе. Установление социальной уравниловки и проведение репрессий против зажиточных и средних слоев общества воссоздавали в крае атмосферу периода гражданской войны, постоянного поиска врагов новой власти – ее классовых и политических противников.

Начавшийся под влиянием данных факторов постепенный распад давних социальных связей, разрушение прежних социальных и общественных структур привело к многочисленным демографическим изменениям, которые все более усиливались по мере углубления пропасти социального раскола. По суще-

ству, в начале 1930-х гг. в крае произошла настоящая демографическая революция, которая неизменно изменила демографическую ситуацию в кубанском социуме.

В результате репрессий и мероприятий новой власти, осуществляемых в процессе коллективизации, а затем и грандиозного по своим масштабам голода 1920–1930-х гг., произошло резкое падение численности населения, наблюдалось изменение его социального состава, развивались процессы деградации традиционной демографической и социальной структуры. Казаков и иногородних сменило так называемое колхозное крестьянство, столь аморфное по своему социальному составу, сколь и маргинальное по своей классовой принадлежности. Повсеместно в крае наблюдались процессы пролетаризации села, его заполнения мигрантами, прибывающими в край в результате воздействия все новых переселенческих волн. Они, с точки зрения новой власти, были призваны заменить собой сокращающееся местное население и обеспечить реализацию плана социалистической реконструкции края.

На фоне этого появляются и структурируются новые этнические сообщества, наблюдалось возрастание в демографической структуре края численности неславянских этнических групп. С 1933 г. по инициативе власти начинается переселение в край семей мобилизованных красноармейцев (коим был и демобилизованный Николай Фирсов, за которым в Старощербиновскую поехала вся семья. – Г.И.). Вскоре оно приобретает массовый характер. Вследствие всех этих мер новой властью в крае был реализован принцип «плавильного котла», который должен был стереть социальные, этнические и культурные различия и сформировать совершенно новую демографическую и социокультурную реальность, создать по существу новое общество единой советской нации».

Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов

Но вернемся к истокам. Новая – советская – власть никаким боком не подходила ни вольным, ни служивым казакам, равно как и казаки – советской власти. Большевики, главным правилом которых было – все зарегламентировать и не допустить никакого инакомыслия, разъедающего власть, всякое нарушение установленных границ (в политике, в определенных ими же нормах морали, в праве, оборотной стороной которого было бесправие, узаконенное УК РСФСР 1926 года со всеми его последующими изменениями и дополнениями, в быту, в культуре и литературе, и т. д.) карали самыми разнообразными, в том числе, жестокими и изощренными способами, начиная от товарищеских судов (ничего общего не имевших с известными в проклятом прошлом судами чести) до самых жестких репрессивных мер, включая высшую. В истории с казаками было, кроме всего прочего, весьма и весьма весомое отягчающее обстоятельство. Именно казаков (и здесь вольные по своей сути казаки охотно исполняли приказы), наряду с конной жандармерией и частями кавалерии, как это было в день Кровавого воскресенья, «царские сатрапы» первыми посылали против безоружного пролетариата и вооруженных вилами крестьян в случаях любых антиправительственных выступлений:

митингов, маевков, забастовок, демонстраций и прочих бунтов. Хорошо, если дело обходилось нагайками, хуже, когда звучала команда «Шашки наголо!». Храбрые и наводящие ужас на врага на поле боя, казаки столь же браво умели укрощать толпы беззащитных противников верховной власти, кормившей казачество с руки и дававшей иллюзию вольницы.

Новая власть предложила и новые условия: не только искусно махать шашкой, но и усердно трудиться на полях и фермах. У казаков оставались, практически, три выхода. *Первый*: покориться и ассимилироваться в новые условия жизни и поведения (тут могли себя проявить беднейшие слои казачества, из них-то в первую очередь формировались комсомоды). *Второй*: встать на путь тайного, мелкого и крупного, как повезет, вредительства и тихого саботажа, на путь, который и приведет в итоге к черным доскам и даст власти в руки карты, разыграв которые, Сталин и К° уморят голодом сотни тысяч и виноватых, и безвинных, сделав это с неменьшей жестокостью, чем казаки действовали, например, при описанных выше событиях в Карабаше. Либо – третье – встать на путь открытого противостояния и с честью погибнуть. *Третий* путь завершился довольно быстро: расказачивание, за ним последовавшее, началось практически с первых дней существования власти Советов...

Размышляя о голодоморе, о судьбах кубанского казачества, в обскубанной среде которого в середине 30-х годов оказалась бабушка, я, естественно, продолжал поиски материалов, которые могли бы дать более полное представление о той обстановке, в которой она оказалась, и пролили бы хоть какой-то свет на истинные причины ее ареста. В том, что обвинения были сфабрикованы на основании ложных доносов, сомнений не было: у меня на руках уцелевшие справки о том, что она реабилитирована, приговор в отношении ее отменен «и дело о ней дальнейшем производством прекращено, за отсутствием в ее действиях состава преступления». Трудно было надеяться, что найдутся какие-то довоенные документы, свидетельствующие о ее работе в Щербиновке. Но послевоенные...

Наверняка где-то в архивах лежат ее персональное дело (прежде, чем осудить, ее должны были исключить из партии) и дело по обвинению в преступлении – страшно сказать, в измене Родине. Там будут и доносы, и допросы «свидетелей», и ее показания, в которых наверняка к ее рассказу, который я записал через полвека почти после тех событий, добавится множество подробностей, о которых я пока даже не подозреваю. Дело-то длилось – со дня ареста до суда – почти полгода.

Поиски начал с архива и музея Щербиновского района.

На свой запрос получил два ответа.

Ответ первый:

«Уважаемый Григорий Аркадьевич!

Предоставить информацию в отношении Ефремовой Ксении Герасимовны не представляется возможным, так как документы до 1943 года

в связи с оккупацией Щербиновского района в 1942–1943 годы не сохранились.

Документы районного отдела НКВД (милиции, полиции) в архивный отдел администрации муниципального образования Щербиновский район на хранение не поступали.

Заместитель главы
муниципального образования
Щербиновский район
Начальник архивного отдела

Н.Н. Довженко
М.С. Гарнышева».

Как говорится, бывают случаи, когда отсутствие информации – тоже информация.

Ответ второй. Я бы даже сказал: не ответ, а доброжелательная расшифровка ответа первого, официального:

«Григорий Аркадьевич!

К сожалению, мы не можем Вам помочь в поиске сведений о бабушке, по причине отсутствия документов дооккупационного периода.

Мы не располагаем сведениями о наличии архива и документов нужного Вам периода в полиции. Попытайтесь запросить сведения у них (о работе машинисткой и аресте).

Вы пишете, что Ксения Герасимовна жила в станице Старощербиновской с 1934 года. По этому поводу известно, что после репрессий казачества и устроенного властью голодомора в 1933 году в станице погибло от голода около 20 тысяч человек. Выжило очень мало людей. Дома освобождались от трупов и в 1934 году станица заселялась переселенцами из других областей России. Прибывшие люди не знали, что произошло в станице, и радовались предоставленным домам, плодородной земле и благодатному климату. Возможно, и Ваши родственники прибыли в нашу станицу в качестве переселенцев. Если Вам понадобится описание нашей станицы в 1934 году, мы готовы предоставить материал.

С уважением, М. Гарнышева».

Человек, привыкший делать свое дело формально, такого письма не напишет. Он просто сочинит отписку. Ответ материализован, и вовсе не беда, что информации в нем ноль. А на нет и суда нет. Но Мария Сергеевна Гарнышева отнеслась к моему запросу не формально, а по-человечески, и у нас завязалась переписка. Я ответил, что мне интересны любые сведения, которые помогут представить ситуацию в станице, да и на Кубани в целом, в те годы.

Вскоре пришло письмо с текстами, фотографиями и таким пояснением:

«Григорий Аркадьевич!

Материал по голодомору в 1933 году может пригодиться Вам для написания книги. Из воспоминаний очевидцев понятно, как выглядела наша станица на момент приезда Ваших родственников.

Через три года после начала нашей переписки сотрудницы Щербиновского архивного отдела, с которыми мы за это время успели подружиться, прислали свою фотографию.

«Это наш маленький коллектив. В центре наш начальник Гарнышева Мария Сергеевна. Слева специалист Прасолова Наталья Ивановна, справа специалист Гончаренко Лариса Владимировна»

В воспоминаниях Середы В.Д., в последнем абзаце, есть сведения о переселенцах.

В книге Петра Макаренко “Смерть зовется 33-й год” на страницах 56–57 приведены письма переселенцев, где они делятся впечатлениями о месте, куда прибыли. К сожалению, у нас этой книги нет, поищите в интернете. Если не найдете, напишите нам, в нашей районной библиотеке она есть, мы сможем прислать Вам копии этих страниц. Еще в интернете можно найти интересные материалы: “Истоки зла (тайна коммунизма). Массовый террор и классовая борьба пролетариата по Ленину” (автор не указан) и очерк Г.В. Кокунько “Черные доски”.

Также направляем Вам материалы по оккупации нашего района в 1942–1943 гг.

...Очень надеемся, что когда книга будет написана и издана, Вы вспомните о нас и подарите один экземпляр. Будем ждать с нетерпением!

С уважением, М. Гарнышева».

На что я, в свою очередь, послал воспоминания бабушки о девяти годах, проведенных в Старощербиновской. И был очень рад, что жителям станицы они интересны.

«Григорий Аркадьевич, спасибо большое! Мы сейчас формируем коллекцию „История района”, обязательно поместим туда воспоминания Ксении Герасимовны, которые очень интересны для нас. Фамилии полицаяв сохранились в памяти местных жителей, но фамилию Значко-Яворский слышим впервые. Как жаль, что не сохранился архив и утрачено столько сведений о том периоде. Сейчас собираем все по крупинкам. Ваша информация пополнила наши сведения, очень Вам благодарны! Будем с нетерпением ждать новую книгу!

*С уважением, Мария.
17.09.2015».*

О Значко-Яворском, одном из героев воспоминаний бабушки, человеке, внезапно появившемся в ее судьбе и так же внезапно исчезнувшем, чуть ниже. А пока – о продолжении моих поисков.

По совету своего друга и соавтора по книге «Волчий камень. Урановые острова архипелага ГУЛАГ» Александра Нестеренко отправил запросы в Краснодар. Саша – кубанский казак, живет в Кореновске и занимается там, кроме всего прочего, краеведческой работой. А познакомились мы еще в 80-е годы на Чукотке, в Певеке, где вместе работали в районной газете «Полярная звезда».

И что же? Довольно скоро в краевых архивах нашлось и персональное партийное дело бабушки, и дело по осуждению ее в измене Родине, закончившееся 10-ю годами исправительно-трудовых лагерей и последующей ссылкой на поселение. Те самые дела, что хранят ответы на вопросы, которые я неоднократно задавал себе и на которые мог ответить лишь предположительно. Но, чтобы получить копии архивных дел, нужно было для начала доказать родство с собственной бабушкой.

Мне повезло: благодаря сохранившимся в семье документам связующая нас цепочка была восстановлена. Об этом я обязательно расскажу, кроме всего прочего, еще и потому, что мой опыт может быть интересен тем, кто идет тем же путем и пытается восстановить историю своих предков.

Переписка с краснодарскими архивами (и электронная, и почтовая) длилась не одну неделю. И пока она шла, у меня было достаточно времени, чтобы познакомиться с материалами, присланными из Старощербининской, поискать книги, которые посоветовала Мария Гарнышева, и погрузиться в события черных лет кубанского казачества.